скверныа страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейшии же всех — неверия и хулу, таковый царь не божий слуга, но диавол: не царь, но мучитель... Еже воздавати властем покорение и послушание: они бо имеют о нас попечение и промышление».[1] Это не оригинальный текст. Иосиф Волоцкий использует сочинения Иоанна Дамаскина (VIII век) для изложения своей теории. 6-е и 7-е «слова» «Просветителя», трактующие необходимость поклонения богу и царю, заимствованы из III и IV «Книг богословия» Иоанна Дамаскина.[2]

Курицын и Иосиф Волоцкий словами богословских произведений говорят, примерно, одно и то же о величии и о высоком назначении царской власти.[3] Иосиф Волоцкий более решительно выразил эти идеи. Имеются и некоторые отличия. Курицын, возможно, полагал, что главное для царя — разум («ум приставит над страстьми душевными») и кротость, ярость и зависть — самые большие грехи для царя. Мудростью своей царь устанавливает «праведный суд». Иосиф Волоцкий полагал, что самое главное для царя — борьба с еретиками («попечение о вере»), а самый страшный грех — «неверие и хула». «Царь — естеством человек, властью же — подобен богу» — таков смысл обеих теорий. Иосиф Волоцкий также считает, что «суд царю никем не посужается». «Неверие и хула», по мысли Волоцкого, исключают «подобие богу», и царь уже перестает быть царем в глазах людей, становясь тираном, «мучителем», «дьяволом».[4] «Попечитель о вере» — идеал «благочестивого царя», полностью соответствующий духу теории компромисса «священства» и «царства». Нам представляется, что взгляды, изложенные волоцким игуменом в 7-м и 15-м «словах» «Просветителя», нельзя считать теорией, как полагает А. А. Зимин, «безусловного подчинения царской власти „священству“».[5]

В словах «занеже дело божие всех важнее» и в словах «подобает тем преклонятися телесне, а не душевне» нет ничего, что говорило бы о превосходстве святителя над царем.[6] Святитель становится выше царя лишь в том случае, если последний подвержен «неверию и хуле». Но если царь имеет «попечение о вере», то он превращается в земного бога, и святитель не может иметь перед ним никакого превосходства. Если считать Иосифа Волоцкого теоретиком «русского папизма», то непонятно, почему патриарх Никон, утверждавший превосходство святителя над царем, «преподобного отца Иосифа Волоцкого поносил и называл „ябедником“ и образу его святому не поклонялся».[7] «Праведный суд» и обмирщение государства, с одной стороны, или «попечение о вере», через слияние интересов церкви

---

[1] «Просветитель» Иосифа Волоцкого, Казань, 1855, слово 7, стр. 177—178.

[2] Об источниках сведений по разным наукам в древние времена России. «Православный собеседник», 1860, 1, стр. 181.

[3] М. Н. Тихомиров в «Исследовании о Русской Правде» (стр. 125) заметил, что Иосиф Волоцкий для обоснования теории сильной и единодержавной власти в 15-м «слове» «Просветителя» использовал текст «Мерила», значительно его изменив: «Слышите, цари и князи, и разумейте, яко божии слуги есть» («Просветитель» Иосифа Волоцкого. Казань, 1882, стр. 304—305). В «Мериле праведном» этот текст пространнее: «Слышите, князии, разумейте, внушите держащии власть, величающиеся о народех, людеи, яко от бога дана бысть держава нам, яко слуги божие есте» (БЛ, фунд., № 187, л. 16 об.).

[4] Об этом же см.: В. Жмакин, ук. соч, стр. 91—92; В. Е. Вальденберг. Понятие о тиранне в древнерусской литературе. Известия по русскому языку и словесности, 1929, II, кн. 1, стр. 217—218.

[5] А. А. Зимин. О доктрине Иосифа Волоцкого. Труды ОДРЛ, IX, стр. 168. Мы рассматриваем взгляды Иосифа Волоцкого не в порядке их становления, а в окончательном виде, изложенном в полной редакции «Просветителя».

[6] А. А. Зимин полагает обратное (ук. соч, стр. 172 и 173).

[7] Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. — Антирелигиозник, 1934, № 3—4.